

Числовой код в знахарской практике Белорусского Полесья в XX – начале XXI в.

Гончар Владимир Олегович

Аспирант

*Белорусский государственный университет, Исторический факультет, Минск,
Беларусь*

E-mail: tuteishyi@tut.by

Знахарская практика Белорусского Полесья традиционно представляла собой упорядоченный процесс, который состоял из нескольких компонентов, и представлял собой определенную последовательность действий. Данные действия регламентировались системой предписаний и запретов, которые указывали, в том числе, время, место совершения знахарских обрядов. Важными также являлись представления об определенном количестве выполнения тех или иных действий. Числовой код регламентировал фактически все этапы знахарской практики.

Знахарство Белорусского Полесья на протяжении XX в. претерпело значительные изменения, которые отразились на различных компонентах знахарства. При этом числовой код знахарской практики данного региона, при сравнении источников конца XX – начала XXI вв. с материалами конца XIX – начала XX в. демонстрирует практически полную идентичность. Наибольшее значение для знахарской практики Белорусского Полесья в рассматриваемый период имеет число “3”. Во-первых, данное число регламентирует необходимое количество исполнения знахарями обрядов, например, при лечении: “Если у кого рожа, то везут опять к знающей бабе, иногда и далеко. Заговаривается рожа на восходе солнца три раза, поэтому нужно быть три дня” [Романов: 1911, с. 75]. Кроме того, в некоторых районах Белорусского Полесья, например, в Брагинском, существует поверье, в соответствии с которым больного для излечения необходимо в течение ночи сводить к трём “бабкам” так, чтобы они не знали друг о друге: “*Кажуць, што за ноч трэба тры бабк абыйсь, каб яны не ведал адна аб адной*” [10]. Кроме того, данное число является важным при исполнении знахарями обрядов, оказывая влияние на все их компоненты: вербальный (заговоры), акциональный (действия) и реальный (предметный) [Толстой: 1994, с. 63].

Так, повсеместно на территории Белорусского Полесья считается, что во время знахарского обряда заговор необходимо произносить три раза: “Бабухна Аудотья Шачок лечить колику троичи шепча” [Сербов: 1915, с. 47]. Влияние числа три на акциональную составляющую знахарского обряда на территории Белорусского Полесья выражается в том, что значительная часть действий знахарей повторяется троекратно. Так, например, “*шаптуха*” Кравченя Г.И. (Лельчицкий район) в начале лечения, читая “Отче наш”, три раза крестит себя и больного [8]. По окончании чтения заговора принято обычно “*здуваць*” и “*сплёвываць*”, когда знахарь дует на больного и затем сплёвывает (обычно в левую сторону). Эти действия также обычно производятся три раза [Страхов: 2005, с. 175]. При использовании в знахарской практике предметов в некоторых случаях стараются, чтобы их количество также было равно трём. Например, одна из опрошенных автором “*шаптух*” в Пинском районе при лечении испуга произнося заговор (3 раза) качает по животу больного мякишем черного хлеба, который затем от-

дается сабакам. Таким образом количество кусочков хлеба также соответствует трём [6]. Представление о значении в знахарской практике числа “3” можно показать на примере лечения “удара” Белько Л.И., “шаптухай” из д. Стодоличи Лельчицкого района Гомельской области. Сам обряд происходит около печи. При лечении Белько Л.И. сначала читает “Отче наш” и при этом три раза крестит больного, который сидит спиной к ней. Затем она три раза читает заговор от удара. При этом Белько Л.И. держит в правой руке три березовых прутика, взятых из веника, этой же рукой с прутиками она поглаживает спину пациента поочередно сверху вниз и справа налево. Читая заговор один раз, она ломает (таким образом всего она ломает их три раза) прутики. По окончании чтения заговора, “шаптуха” три раза сплёвывает налево, а затем выкидывает поломанные кусочки прутиков сначала через правое плечо больного, затем через левое, затем вновь через правое (всего три раза). На данном примере видно, как число три задаёт структуру знахарского обряда.

Важное значение в знахарской практике Белорусского Полесья имеет также число “9”. В ряде случаев его значение идентично значению числа “3”, когда основные действия в процессе лечения выполняются “шаптухам” девять раз: “*То найбл’ши дзеяць раз трэба так перэказаты, як кому вот што скажэ, поглядз мэнэ там врокы, чы там шчо, о так*” [7]. Однако чаще всего девять раз знахарские действия повторяются в случаях, когда болезнь, как говорят, “уданлася” – то есть запустилась. В этом случае необходимо приходиться лечиться девять раз. Столько же раз над больным читается заговор: “*Кал жэ данца, то трэба дзеяць раз шаптаць*” [10]. В данном случае число “9” как три раза по три призвано усиливать действенность лечения.

Определённое значение в знахарской практике Белорусского Полесья имеют и другие числа, прежде всего нечетные, например “1”, “5” и т.д.: “*Тры шэпчамо. А бывае п’яць, шоб не да пары*” [5]. Очень редко встречается и чётные числа. Например, “шаптуха” Садченко А.Е. шепчет от испуга 12 раз [9].

Таким образом, числовой код в знахарской практике Белорусского Полесья, несмотря на изменения в знахарстве на протяжении XX в., продолжает устойчиво сохраняться. Наибольшее значение придается числу “3”, а также числу “9”, как трехкратное усиление числа “3”. Сакрализация их объясняется влиянием христианства. Определённые значения также имеют другие нечетные числа.

Литература

1. Материалы по этнографии Гродненской губернии: Вып. 1 / Под ред. Е.Р. Романова. Вильно: Типография “Русский почин”, 1911 – 238 с.
2. Сербов, И.А. Белорусы-Сакуны. Краткий этнографический очерк / И.А. Сербов. – Петроград: Типография Императорской академии наук, 1915. – 180 с.
3. Страхов, А.Б. Полесские фольклорно-этнографические материалы в современных записях: 2. Заговоры и народная медицина / Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, history, language and ethnology. – 2005. – Vol. 13, No.2 – P. 166-204.
4. Толстой, Н.И. Из “грамматики” славянских обрядов / Н.И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е испр. – М.: Индрик, 1995. – 63-77.

Конференция «Ломоносов 2011»

5. Астапович Анна Семёновна, 1934 г.р. Д. Дуброва Лельчицкого района Гомельской области.
6. Белоус Антонина Семёновна, 1940 г.р. Д. Чорново Пинского района Брестской области.
7. Драцевич Мария Фоминича, 1928 г.р. Д. Баландичи Ивановского района Брестской области.
8. Кравченя Галина Игнатьевна, 1939 г.р. Д. Краснобережье Лельчицкого района Гомельской области. Родилась в д. Храпунь Столинского района Брестской области.
9. Садченко Анна Евстрафьевна, 1926 г.р. Д. Губичи Будо-Кошелёвского района Гомельской области. До 1984 г. проживала в г.п. Хойники Хойницкого района Гомельской области.
10. Семиход Мария Антоновна, 1928 г.р. Д. Губичи Будо-Кошелёвского района Гомельской области. До 1986 г. проживала в д. Михалёвка Брагинского района Гомельской области.